

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН:

оценки прошлого, память, символы

(опыт социологического измерения)



Издательство «Весь Мир»

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН:

оценки прошлого, память, символы

(опыт социологического измерения)



Под редакцией М.К. Горшкова

Москва
Издательство «Весь Мир»
2022

УДК 316.4
ББК 60.56(2Рос)
И 90

Рецензенты:

Тощенко Ж.Т., д.ф.н., член-корр. РАН, ФГБУН ФНИСЦ РАН;
Шутов А.Ю., д.и.н., член-корр. РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова

Программа фундаментальных и прикладных исследований
«Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление
общероссийской идентичности».

Проект «Исторические символы как фактор укрепления
общероссийской гражданской идентичности» (руководитель –
академик РАН М.К. Горшков).

И90 **Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / ФНИСЦ РАН, Институт социологии.** Под ред. М.К. Горшкова. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. 248 с.

DOI: 10.55604/9785777709042

ISBN 978-5-7777-0904-2

В книге на основании комплексного и многоаспектного подхода рассматривается состояние исторического сознания россиян в условиях современных вызовов. При этом выявляются интерес наших сограждан к истории и фактическим сведениям о ней, их оценки исторических периодов развития страны и ведущих исторических деятелей. Рассматриваются восприятие россиянам национально-государственных символов в контексте исторической памяти, а советские и несоветские традиции – в реалиях современной России. Особое внимание уделяется анализу отношения наших сограждан к отечественной истории, к формированию общероссийской идентичности и к возросшей роли в этом процессе семейной памяти.

Для социологов, политологов, философов, историков, психологов, правоведов, а также студентов и аспирантов соответствующих специальностей.

УДК 316.4
ББК 60.56(2Рос)

Отпечатано в России

DOI: 10.55604/9785777709042
ISBN 978-5-7777-0904-2

© ФНИСЦ РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Весь Мир», 2022

5.3. *Задорин И.В.* **Новые мировые расколы и войны за идентичность**

Игорь Вениаминович Задорин – старший научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований ИС ФНИСЦ РАН, научный руководитель ЦИРКОН

Разговор об отношении российского общества к истории и историческим символам прошлого как одном из оснований российской идентичности и культуры необходимо начать, конечно, с оценки той временной точки, в которой мы все сегодня оказались. Об этом я совсем недавно говорил на Научном совете ВЦИОМ¹. Сейчас мы находимся в ситуации нескольких *общемировых системных расколов*, которые обусловлены не чьим-то решением или политикой, но самим течением истории и развитием мировой экономики и культуры (в широком понимании слова). Мы, Россия, оказались внутри более широкой мировой истории, и в известной степени многие события, которые происходят с нами, происходят как бы вне зависимости от нашей воли, по какому-то более высокому Закону, и вся реальность может быть охарактеризована словом «неизбежность», обусловленная теми противоречиями, которые копились последние 30–35 лет, а, может, даже и дольше.

Говоря кратко, мы находимся в ситуации сразу нескольких тектонических разломов, которые могут быть представлены в виде сложной *фрактальной структуры* с несколькими уровнями противостояния и самоподобия. С учетом этой оптики можно сказать, что в наиболее общей перспективе весь мир раскалывается на две пока неравные части: большая часть (не по населению, а по влиянию) – это мировая (бывшая глобальная) империя Запада с ориентированными на него странами, меньшая – новый мировой центр силы Китай и страны, ориентированные на него (и в чем-то от него уже зависимые). На втором, более низком уровне фрактальной структуры Запад сам по себе тоже раскалывается на неравные части, а именно на сохраняющуюся зону «либеральной империи»

¹ Закрытое заседание Научного совета ВЦИОМ на тему «Частично мобилизованное общество: настроения, риски, перспективы». 20 октября 2022 г. URL: <https://profi.wciom.ru/chastichno-mobilizovannoe-obschestvo/>

(большая часть) и на страны, разворачивающиеся на Восток, осуществляющие политику «деколонизации», отстраивания от доминирующей западной культуры и экономики, к этим странам относится и Россия. Дальнейший уровень разделения проходит уже внутри «Большой России» (к которой я отношу и территорию бывшей УССР), часть которой хочет стать «западной», европейской, а другая — отказывается ориентироваться на Запад. Отход Украины, Молдовы-Бессарабии, Грузии и части собственного российского общества от евразийски ориентированной России — это как раз третий уровень расколов. Однако вот в той же «уходящей» Украине одна часть (большая) ориентирована на Запад и хочет быть Западом, а другая (на сегодня уже меньшая — Донбасс и Новороссия) до сих пор считает себя частью «Большой России» и хотела бы сохраниться российской. Можно говорить также про расколы и неоднородности и внутри новых российских территорий, что сейчас наконец-то становится предметом публичных исследований и дискуссий.

Такая аналитическая логика четырех-пяти уровней актуальных цивилизационных расколов довольно живописно и одновременно точно отражает фрактальную структуру фрагментации мира и нескольких уровней самоподобия. И, учитывая системный характер этих расколов, мне кажется, что размежевание, происходящее в конкретной точке мирового пространства — Восточной Украине, невозможно разрешить или сгладить локально и «снизу», например, только на уровне отношений Российской Федерации и Республики Украина (в виде существующих государств). Созревшие общемировые напряжения должны разрешиться, реализоваться полностью на всех уровнях. Хотелось бы, конечно, чтобы социально-политическое управление разных стран было ориентировано на то, чтобы сократить до минимума ущерб всех сторон от этого нового размежевания и переориентаций. Должны быть приложены колоссальные интеллектуальные и дипломатические усилия, чтобы размежевание произошло относительно мирно на всех четырех уровнях неоднородности. Хотя понятно, что любой такой раскол, разделение некогда единого организма и как следствие разделение государств, обществ, национальных богатств, ресурсов, собственности и т.д. — всегда очень сложный, болезненный, порой трагический процесс, ранее почти всегда сопровождающийся большими (мировыми) войнами.

Уместен вопрос, зачем нам, социологам, размышляющим о проблемах идентичности, включать в свой дискурс вопросы

нового мирового размежевания стран и народов? А дело в том, что в явлении «обретения идентичности» помимо важнейшей стороны — самоопределения человека в многомерном био-геосоциальном пространстве (гендер, этничность, язык, история и род, религия, территориальная привязка, ценности, призвание, социальная роль и т.д.) — есть вторая сторона: определение и кодификация «свой»—«чужой». То есть самоопределение обязательно связано с определением «своих» («таких же») и «чужих» («иных»). И исторические разломы неизбежно заставляют (пере)определять, с кем мы теперь, с кем нам надо быть, кто в мире «свои», а кто «чужие». Может показаться, что это касается только политиков, а нет: через идеологию, массмедиа, социальные коммуникации эти вопросы всё равно доходят почти до каждого гражданина, актуализируя проблемы самоопределения и продуцируя расколы уже на уровне семей.

Важно также отметить, что во всех странах бывшего СССР процессы нового самоопределения во многом отягощены еще не до конца завершившимся процессом обретения общенациональной идентичности (включая геополитическую ориентацию), начавшимся после распада Советского Союза и общей советской идентичности. Многие исследования, проводившиеся в последние 10–15 лет, фиксировали сильную фрагментированность (разобщенность, разнообразность) обществ постсоветских стран. Это общества, как правило, с очень сложной системой гибридной и формирующейся (динамичной) идентичностью и неоднозначной геополитической ориентацией. Думаю, что все общества на обломках распавшихся империй поначалу только такими и могут быть, ибо империи имеют смешанный национальный и религиозный состав с разной исторической памятью и территориальной идентичностью и, как правило, повышенной внутренней миграцией (перемешиванием).

Естественно, такое сложное многосоставное состояние общества создает очень большие трудности для социально-политического управления и требует от государственной власти высокого уровня собственной сложности. Вспомним известную в управлении теорему Эшби, которая (в одной из своих формулировок) утверждает, что *«управление может быть обеспечено только в том случае, если сложность (разнообразие) системы управления по крайней мере не меньше, чем сложность (разнообразие) управляемой им ситуации»*. К тому же надо понимать, что окружающие страны (особенно мощные государства с имперскими амбициями типа

США) не останутся в стороне и будут стараться участвовать («вмешиваться») в формировании новой «правильной» идентичности, в том числе нового понимания «свой»-«чужой», через все возможные каналы влияния, включая системы образования, культуры, массмедиа и т.п.

Однако наши социальные менеджеры, к сожалению, на практике оказались не готовы к тому, чтобы успешно работать не просто с расколотым обществом, а с *высоким уровнем социального многообразия*. То есть система управления, наоборот, в последние годы сильно упрощалась и, «не догоняя» сложность мира, решила не усложняться сама, а начала упрощение всех социальных процессов в стране, всего российского общества. Иначе, чем упрощением объекта социального управления, причем целенаправленного, попытками намеренной, почти насильственной «гомогенизации» («принуждением к однородности»), назвать социальные процессы последнего десятилетия сложно. И, кстати, точно также в сторону уменьшения внутреннего разнообразия двигалась и Украина, даже более решительно. Допускаю, что повышенная однородность позволит более успешно проходить экстремальные и кризисные времена, но, с другой стороны, и число вариантов адаптации к переменам и внешним вызовам, число степеней свободы при выборе будущего снижается.

Если говорить *об основных линиях разделения российского общества* и существующих основаниях общественной сложности на всех названных выше уровнях внутри России, то я бы выделил *три главных основания*.

Во-первых, это актуализировавшееся «историческое» *противостояние западников-почвенников*, которое в настоящее время выражается в противостоянии двух образов «идеального» развития страны: 1) «догоняющая модернизация», включение России в западный мир, западное культурное (в том числе языковое) пространство и систему мирового разделения труда с вполне определенным сырьевым «функционалом» России; 2) «опережающее» развитие с опорой на собственные силы, культурный и технологический суверенитет, традиционные ценности, национализация элит, поворот на Восток. У каждого из этих «путей России» есть свои лидеры, последователи, стейкхолдеры и бенефициары. При этом, похоже, что самоопределение по этой линии во многом связано с пониманием (или ощущением) каждым отдельным человеком его большей или меньшей обобщенной конкурентоспособности («устроенности в жизни») при выборе одного из этих двух

направлений. Если совсем грубо: выпускник московского вуза со знанием английского языка и тем более с включенностью в экспортно-импортные экономические цепочки с большей вероятностью выберет первый вектор, потому что при таком варианте развития у него будет больше возможностей использовать свой культурный и социальный капитал. А вот бывший военнослужащий, рядовой работник условного кабельного завода и фермер, люди в годах и с не самым высоким образованием, вероятнее проголосуют за суверенитет, традиционные ценности и даже автаркию, ибо в так называемом открытом мире им труднее сохранить свой статус и достоинство.

Вторая линия — это *отношение к советскому прошлому и распаду Советского Союза* (фактически продолжения Российской империи в особом виде), травма которого всё еще очень беспокоит старшее и среднее поколения. Зрелыми и особенно пожилыми россиянами распад СССР рассматривается не просто как существенная утрата, но как потеря Родины, и поэтому российско-украинский конфликт (и СВО) многими из них воспринимается в том числе и как восстановление допущенной в 1991 г. несправедливости в виде принудительного разделения некогда единой страны, произошедшего не по границам идентичности, а по некоторым формально установленным межам, не соответствовавшим социокультурному (в том числе языковому, национальному и религиозному) самоопределению людей, проживавших на территориях бывших советских республик (особенно Украинской ССР). Но такого рода негативные эмоции по поводу несправедливости (само)убийства СССР характерны, конечно, для россиян старших возрастов, которые застали Союз, тогда как молодежь России в большинстве своем уже не чувствует и не понимает произошедшей трагедии и «геополитической катастрофы».

Наконец, третье измерение общественной сложности связано с принципиально разной *медиа- и цифровой культурой* различных групп общества и также в значительной степени обусловлено возрастной спецификой этих групп: среди молодежи и жителей мегаполисов, находящихся под влиянием цифровой коммуникации и глобальной информации, больше тех, кто фактически живет в глобальном мире, это условные «глобальные русские», а среди россиян средних и особенно старших возрастов и сельских жителей, предпочитающих телевизор и не включенных в разного рода технологические «штучки», больше тех, кого можно было бы назвать местными «локальными русскими».

В некотором смысле этот медийный социокультурный вектор общественного разделения связан еще и со специфической культурой самовосприятия различными возрастными группами самих себя в рамках *территориально-гражданской идентичности*. По нашим исследованиям, до определенного момента доля носителей условной глобальной (мета-национальной) идентичности (ответы на известный вопрос о территориально-гражданском самоопределении «Кем Вы прежде всего себя считаете?» с вариантами ответа – «Гражданином мира», «Европейцем» и т.п.) составляла всего 5%. Но постепенно, прежде всего среди молодежи, популярность этой, казалось бы, маргинальной глобальной идентичности стала расти – до 11% в возрастной когорте 18–24 года. И ведь это не просто самоопределение, это отражение принципиального ощущения молодежью себя людьми Большого мира, тогда как россияне старших возрастов чаще ощущают себя частью территории, ограниченной конкретными границами, национальными или даже локальными (варианты ответов – «Жителем, гражданином России» или «Жителем конкретного города, региона»). Наднациональная позиция части молодежи обусловлена в значительной степени ее мобильностью, активным стремлением ездить по миру. У большей части молодых людей в России есть загранпаспорт, и совсем иная ситуация у представителей старшего поколения, многие из которых никогда не были за границей и не планируют, в принципе, выезжать за рубеж.

Надо сказать, что, несмотря на рост популярности глобальной (космополитической) идентичности, в России в сравнении с другими странами ближнего зарубежья большее число респондентов ассоциируют себя с тем местом (регионом), в котором они живут (до 40%). Об этом свидетельствуют и многолетние исследования группы ЦИРКОН и «Евразийского монитора», проводимые в ряде стран Северной Евразии (постсоветского пространства). В силу того, что Россия очень большая и очень многообразная страна, связать себя со всей страной (общегражданская идентичность) сложнее (уровень в последние годы – 45–50%). Тогда как основание локальной идентичности – очень понятное, более насущное. В странах размером поменьше, например, в мононациональных Азербайджане и Кыргызстане общенациональная идентичность вообще «зашкаливает» (более 80%), а локальная почти не просматривается (менее 10%). В средних и крупных странах, таких как Беларусь или Казахстан, национальная и локальная идентичности довольно гармонично сочетаются в отношении 50–60% к 25–30%.

В этой связи можно сказать, что указанные страны всё же более «едины», чем Россия.

В свое время я был весьма увлечен развитием локальной идентичности, видя в этом процессе возможности как раз повышения живого разнообразия страны, в котором каждое «местное сообщество» и «землячество» вносят свой вклад, свою уникальность в общее культурное богатство России. Вместе с тем сегодня понимаю, что в условиях серьезных геополитических катаклизмов государство будет скорее озабочено повышением солидаризации и единства на общенациональном уровне, минимизируя расколы по территориальному принципу.

Высокому уровню локальной идентичности российского населения способствует низкая внутристрановая мобильность российского населения, укорененность в каком-то конкретном месте в нескольких поколениях («где родился, там и пригодился»). В этой связи любопытен опыт Советского Союза по целенаправленной политике *ослабления региональной идентичности в пользу идентичности общестрановой*. Советская миграционная политика ломала локальную идентичность. Практика послевузовского трудового распределения стимулировала активную миграцию внутри страны, благодаря чему в 1950–1960-е гг. строились целые новые города в ранее необжитых районах. Кадровую политику в сфере управления выстраивали на основании принципа постоянной мобильности работников — «ротации кадров». Человек вырос, допустим, в одном городе, после вуза обязательно оказывался на новом месте: переезжал из условного Ярославля в условный Братск, а карьерный рост его был связан с еще одним переездом на новое место, в вообще неизвестный ему Нукус или Норильск. И это всё не считая самого главного направления мобильности — из села в город.

Так происходило во всех точках Советского Союза, в том числе и в Юго-Восточной Украине (Донбассе и Крыму), довольно значительная часть населения которой была сформирована переселенцами из других регионов большой страны и их потомками. И, как показывали разные исследования, проводимые с начала 1990-х гг., многие из жителей этой части Украины даже после 1991 г. не чувствовали себя оторванным от культурной родины — «Большой России», поскольку новые государственные границы были скорее номинальными, передвижение — свободным, сохранялась возможность свободного общения и делопроизводства на русском языке, было свободное обращение валют, товаров и прочего. В такой обстановке сохранение советской (российско-евразийской) иден-

тичности в этой части Украины являлось не просто естественным, но и возможным.

В 2009 г. мы (ЦИРКОН) совместно с коллегами из других стран в рамках Ассоциации «Евразийского монитора» реализовывали большое исследование восприятия жителями бывших советских республик общей истории XX в.² И тогда было ясно, что различным регионам Украины свойственно специфическое восприятие истории страны и исторических личностей одного и того же времени. Например, если на Западной Украине 57% респондентов позитивно или нейтрально относились к С. Петлюре (17% отрицательно) и лишь 16% одобрительно оценивали В.И. Ленина (57% отрицательно), то на востоке, особенно на Донбассе, ровно наоборот: 74% жителей позитивно или нейтрально относились к Ленину, и лишь 23% были такого же мнения о Петлюре. На западе и на востоке страны радикально различалось восприятие и ряда ключевых исторических событий: Революции 1917 г., Голодомора 1929–1930 гг., распада Советского Союза. По сути, до 2014 г. на территории Украины, с точки зрения идентичности, сосуществовали две страны (может быть, и больше). А доля граждан, в ответе на вопрос «Кем Вы себя прежде всего считаете?» выбиравших ответ «*Громадянином України*», равнялась примерно 50%, т.е. присутствовала та же сложная территориально-гражданская идентичность, что и в России.

Но мы знаем, как целеустремленно и последовательно Украина формировала свою самостийную идентичность (замечу, что сейчас уже около 85% респондентов украинских опросов относятся к группе общегражданской идентичности, т.е. оставшиеся в стране граждане демонстрируют очень высокий уровень сплоченности). Во многом это формирование проходило через противопоставление России. Не будучи способными предъявить миру что-то совершенно аутентичное, уникальное и одновременно позитивное, через что можно было «определить» страну, национально-ориентированные украинские идеологи выдвинули главным лозунгом идентичность «от противного»: «Украина – не Россия» (так называлась программная книга Л. Кучмы, второго президента «независимой» Украины). И когда после первого Майдана («оранжевой революции») стало сокращаться преподавание в школах русского

² Восприятие населением и молодежью новых независимых государств истории советского и постсоветского периодов. Аналитический отчет // Евразийский монитор. 2009. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/db3/090909.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).

языка и русской литературы, когда пошли заявления и реальные действия по обрыву хозяйственных связей с Россией и экономической переориентации на Европу, после появления на территории натовских военных (пусть пока и на учениях), а главное, после начавшегося пересмотра истории, который многие граждане Восточной (да и не только Восточной) Украины просто не могли принять без предательства своих отцов и дедов, стало ясно, что уже скоро формальная государственная граница между Россией и Украиной будет настоящей. Пошло вытеснение «советско-российско-евразийской» идентичности и замена ее в восточных регионах Украины на «национально-украинско-европейскую» («украинизация»). И эти регионы, защищаясь, стали двигаться в сторону идей сепаратизма (отделения от Украины), хотя раньше таких настроений, во всяком случае, в тех масштабах, в которых они были в самые первые годы постСССР в Крыму, не было.

Окончательно всё изменилось в 2014 г., когда жители востока Украины вдруг осознали, что теперь границы с культурной Родиной будут уже реальными, осязаемыми, а внутри их страны будут проходить серьезные институциональные изменения, несущие настоящую угрозу их идентичности. Идентичность принято защищать, а один из способов защиты — уход из пространства, где она подвергается унижению. Ну, и дальше неизбежная гражданская война, очень часто сопровождавшая в разных частях света попытки отделения или деколонизации (самый яркий пример — Гражданская война в США 1861—1864 гг., начавшаяся с попытки южных штатов выйти из состава США). А когда и где гражданская война обходилась без так называемого внешнего вмешательства? Не припомню такого. И Россия вмешалась, и она не могла не вмешаться, не нарушив собственного общенационального единения вокруг советско-российско-евразийской идентичности и не защитив территории с населением, большинство которого составляли «свои». Так что текущие действия России (СВО) отчасти можно рассматривать как оборонительные, как защиту большой страны («Русского мира») и ориентированных на нее частей постсоветского пространства от социокультурной агрессии западного мира в националистическом «розливе». Правда, эта защита и попытка согласовать государственные границы с границами идентичности происходят в трагическом формате настоящей «горячей» войны, с использованием вооруженных сил и самых современных видов летального оружия.

Современная концепция межгосударственной конкуренции во многом опирается не на захват территорий или людей, а на интел-

лектуальное, культурное доминирование, господство в основаниях идентичности («мягкая сила»), доводимое порой до перехвата управления страной (организационно-культурная колонизация). Стратегическая задача «консциентальной» войны³ — изменить отношение населения страны-противника (аудитория воздействия) к себе самому, т.е. **изменить коллективную идентичность** (самоопределение общества в социокультурном плане) и понимание (декодирование) «своего» и «чужого». Причем такое изменение (пересмотр) должно касаться оснований коллективной идентичности, включающей отношение к «своей» истории (истории страны), «своему» языку, этнической идентификации, восприятие «своей» территории, «своей» религии и культуры (в том числе ценностей, норм, стереотипов потребления). При таком подходе, чтобы завоевать страну, не надо захватывать ее территорию, достаточно захватить головы людей, ее населяющих, после чего их поведение (в том числе потребительское) будет соответствовать целям «завоевания».

Конечно, в истории было немало примеров «переформатирования» целых народов, смены их коллективной идентичности в силу завоевания/колонизации иностранными субъектами. Можно вспомнить примеры албанцев и болгар в Европе, индейцев Южной Америки, а также случаи разделенных ветвей одного народа (сербы и босняки, русские и украинцы), сформировавшихся во многом под влиянием культуры других народов (продолжительное время доминировавших на завоеванной территории) и усвоивших (сделавших своими) элементы чужого языка, чужой этничности, исторической памяти, а порой и религии. Как правило, такие процессы имели длительность в несколько веков.

Вот был такой советско-албанский фильм 1953 г. «Великий воин Албании Скандербег», который рассказывал о борьбе албанского героя Скандербега против турецких завоевателей в XV в., в том числе и о его борьбе за... христианскую веру. Сейчас очень сложно поверить, что Албания — форпост ислама в Европе — когда-то была страной христиан-католиков. Однако многовековое «отуречивание» радикально изменило идентичность живущих здесь людей. Примерно то же случилось с соседями албанцев — сербами, только хуже: теперь часть сербов, принявших ислам, превратилась

³ Термин взят из работ Ю.В. Крупнова и Ю.Д. Громыко. URL: <http://www.kroupnov.ru/pubs/2005/02/09/10403/#1-14>, <http://metuniv.chat.ru/rao/98-8-9/25grom.htm> и <http://paideia.narod.ru/consor/index.htm>. (дата обращения: 06.12.2022).

в босняков («боснийцев») и воюет с сербами, оставшимися в другой (православной) вере и в этом смысле в другой культуре.

Вспомним и свою историю. Во многом из-за внутреннего раскола («междоусобица») одна часть древнерусского народа оказалась почти на 250 лет под влиянием татаро-монголов («Азия»), а другая – примерно в тот же период на 350 лет попала под доминирование поляков («Европа»). В результате имеем два близких народа, но с разными идентичностями, различия которых полностью не смогли стереть следующие 300 лет, прожитые вместе. В рамках империи культурно различные народы жили мирно и даже дружно, но распад империи актуализировал внутренние противоречия между двумя частями бывшего единого народа, одна часть которого решительно двинулась на запад, а другая – на восток.

При этом мы видим в процессе размежевания России и Украины и явные следы «внешнего вмешательства». С созданием мощных средств и инструментов массового информационного воздействия (сначала в XX в. СМИ, включая электронные, а потом на рубеже веков нейропсихология и интернет-сети) появляется возможность (и соблазн) использовать эти средства для ускоренной смены коллективной идентичности крупных национальных образований на территориях информационного доминирования. Ключевыми плацдармами информационно-психологических («консциентальных») войн становятся сфера массмедиа, система образования и институты культуры и искусства. А в культурных революциях и интервенциях уже давно принято захватывать не «телеграф, станции и мосты», а (кино)театры, музеи, школы и университеты. В результате ориентировочная длительность процесса смены идентичности для критически важной доли населения при отсутствии сопротивления резко сокращается и может составить всего 20–30 лет (условно 1–2 поколенческих цикла).

Таким образом, можно констатировать, что в условиях усиливающегося влияния внешних факторов новых мировых расколов и эффективного иноземного культурного давления (в отдельных аспектах – агрессии), накладывающегося на высокую неоднородность российского общества (социальное и культурное разнообразие, в том числе критическое неравенство по отдельным параметрам), возникают *риски ослабления связности российского общества*, снижения общественного согласия и эрозии национального единства. Понятно, что в этой ситуации вопросы формирования общенациональной идентичности приобретают значение вопросов стратегической безопасности страны.

Не претендуя на полное, развернутое и глубокое понимание того, как и на чем могла бы строиться общенациональная российская идентичность (сейчас по этому поводу много разных публикаций весьма высокого статуса), выскажу несколько соображений, касающихся ее возможных оснований. На мой взгляд, в самом общем виде любая национальная идентичность прежде всего должна опираться на представления об *общем Языке, общем Пространстве и общем Времени*.

Сначала о *Языке*. Более пяти лет назад мы в Ассоциации «Евразийский монитор» проводили опрос экспертов из стран бывшего СССР, предлагая оценить разные характеристики межгосударственного взаимодействия и гуманитарного сотрудничества (более сотни разных параметров, условий, мероприятий и т.п.) с точки зрения значения этих характеристик для евразийской интеграции⁴. По итогам анализа оценок выяснилось, что в совокупности наши эксперты (60 специалистов из 10 стран) на первое место среди условий, способствующих интеграции, поставили общее языковое пространство. Полагаю, данный вывод справедлив и для внутривосточной интеграции — защита *Русского языка* от деградации и подмены («опрошение»), сохранение его богатства, расширение его использования должны стать основой «политики идентичности», основой для формирования общей «картины мира» и связанности общества. На основе русского языка выстраиваются не только высокая русская литература как одна из важнейших составляющих российской идентичности, но и устное народное творчество, народные предания, народная мифология, в значительной степени описывая и объясняя российскую повседневность. Как известно, язык во многом определяет структуру мышления, поэтому общий богатый и красивый *Язык*, по моему мнению, даже не средство формирования идентичности, а именно цель.

Категория *Пространства — континента России*⁵ — одна из ключевых в описании России и российского менталитета. Великость,

⁴ Показатели и индексы межгосударственного гуманитарного сотрудничества / Аналитический отчет по результатам экспертного оценивания / Евразийский монитор. 2017. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/bda/igs-analiticheskii-otchet.pdf> (дата обращения: 06.12.2022).

⁵ «Россия — это континент, который притворяется страной, Россия — это цивилизация, которая притворяется нацией». Председатель Европейской комиссии Жозе Мануэль Баррозу на международной конференции “Moving into a Partnership of Choice”. 21 марта 2013 г. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_13_249; Россия — это континент. Россия никому не вступает, нам как-то неудобно куда-то вступать, ведь вступая, можно

«широта», «необъятность», «бескрайность» — первые и главные характеристики страны, важнейшие особенности, отличающие ее от других стран, неперемное объяснение всего, что сходу не поддается пониманию ее сути. Представление о территории, причем именно необъятной территории очень большой страны, является базовой составляющей русского самосознания: невозможно быть по-настоящему русским на маленькой ограниченной территории, очень многое в русской культуре связывается именно с большим пространством («*Широк, широк, русский человек!*»). Большое пространство не просто основа всего — богатства и бесхозяйственности, гордости и стыда, проблем и перспектив — но величайшая ценность, особенно в ситуации «отсутствия штанов». Даже в тяжелые времена 1990-х россияне в подавляющем большинстве ни за что не хотели отдавать/продавать такие далекие и для многих просто неизвестные Курилы — «*чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим*». Удержание богатейшей территории — одна из базовых ценностей и стратегических задач, а ее освоение в интересах страны и всего мира — миссия и ответственность российского народа.

Общее большое пространство естественным образом сочетается с *общим Большим Временем*. Мы, конечно, не «древние греки», не евреи и не армяне, но живем на свете как народ довольно давно. Русский человек очень историчен, он очень многое в текущей жизни объясняет историей и действиями лиц, уже давно не определяющих сегодняшний день. И это касается не только рядовых граждан, но и разных ученых мужей, уже привыкших к месту и не к месту в объяснении ситуации апеллировать к теории *path dependence*. Вместе с тем наша история настолько богата, что в ней можно найти всё — от трагической глупости, подлости и предательства до образцов мужества, величайшего ума и высочайшей духовности. Естественно, разные «стейкхолдеры» в зависимости от своего интереса достают из нашей Истории то, что им выгодно в настоящее время. Потому М. Задорнов и шутил, что «*Россия — это страна с непредсказуемым прошлым*». Но таковыми вообще-то являются все страны мира, и практически все современные общества управляют собственным прошлым в зависимости от текущих потребностей и понимания перспектив. Правда, для России с ее весьма драматичным и еще очень чувствительным недавним про-

шлым крайне желательно все-таки выйти в какую-то мета-позицию, минимизирующую риск внутренних исторических войн и разобщения. Всегда в таких случаях вспоминаю выступление генерала А. Лебеда на Конгрессе Русских общин в 1995 г. Своим громоподобным голосом генерал медленно и с пафосом произнес: «Россия является наследником великой тысячелетней христианской Руси. Россия является наследником великой 300-летней Российской империи. Россия является наследником великого 70-летнего Советского Союза. **ОДНОВРЕМЕННО**». И эта мысль о том, что мы все вместе наследуем не части, а всю нашу историю со всеми ее оборотами-поворотами-зигзагами-загогулинами сразу, что она ВСЯ НАША, а не только та ее часть, которую здесь и сейчас хотят присвоить сегодняшние лидеры страны, кажется мне очень глубокой. В моем понимании россиянин — это тот, кто мыслит нашу историю как разнообразную, но при этом единую (целостную), переживая одновременно и за «белых», и за «красных».

Мне кажется, что сегодняшняя российская идентичность должна основываться на историческом миксе и всеохватности, как и в случае с Пространством. В любом городе России на вокзале можно найти сувенирный киоск, где на витрине удивительным образом сочетаются бюсты Петра I, А. Пушкина, В. Ленина, И. Сталина, иконы, кресты, буденовки, советские военные меховые шапки и современные бейсболки. И именно это сумасшедшее эклектичное отражение истории России является «нашем всем», вместе со всеми успехами, достижениями, трагедиями, изгибами. Мы ничего из нее уже не удалим и не изменим, мы уже не должны делить Историю на «правильную» и «неправильную», тогда она и не разделит нас.

А если о чем имеет смысл спорить, так это о *Будущем*. Это одна из важнейших задач сегодняшней политики идентичности — поворот голов (особенно молодежи) от прошлого к будущему, изменение дискурса самоопределения и культурного суверенитета от ретроспективного к перспективному, формирование общенационального Образа Будущего. Конечно, «образ будущего» — такой же важнейший элемент общенациональной идентичности, как и «образ прошлого». И общее Время — это общее понимание истории и перспектив страны по крайней мере на 100 лет назад и на 50 лет вперед. Но это отдельный большой разговор.